

БЕРНАР
МИНЬЕР

БЕРНАР
МИНЬЕР

КРУГ

Москва
2020

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
М62

Bernard Minier
LE CERCLE

Copyright © XO Editions, 2012. All rights reserved

Художественное оформление переплета *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *Вячеслава Коробейникова*

Миньер, Бернар.

М62 Круг / Бернар Миньер ; [перевод с французского Е. В. Клоковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-105539-4

Бестселлер №1 во Франции.

Миньер – это огромный талант рассказчика и умение вселить в душу читателя страх; не хуже, чем у Стивена Кинга в его лучших романах.

Daily Mail

Этим романом Миньер окончательно закрепил за собой репутацию автора №1 французского триллера и живого классика жанра. Его книги о Мартене Сервасе изданы во Франции тиражом более 3 миллионов экземпляров и переведены более чем на 20 языков, а компания Netflix сняла по ним сериал.

Из затерянной в горах психиатрической клиники, где содержатся опаснейшие психопаты, маньяки и серийные убийцы, сбежал самый опасный из них – Юлиан Гиртман. Полтора года он ничем не давал о себе знать. Но однажды в маленьком элитном городке Марсак на юго-западе Франции неизвестный преступник жестоко и изощренно убивает преподавательницу местного лицея. Все следы указывают на участие в этом кошмаре Гиртмана, во всем просматривается его индивидуальный почерк. Однако майор Сервас, расследующий это убийство, постепенно начинает подозревать, что улики, указывающие на Гиртмана, – лишь фикция, отлично срежиссированный мрачный спектакль, цель которого – запугать его, Мартена Серваса, и навести на ложный след. Но кто же разыгрывает этот спектакль? Сам Гиртман, всегда тяготевший к рискованным играм, – или кто-то искусно копирует маньяка?..

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

- © Клокова Е.В., перевод на русский язык, 2019
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-105539-4

Цивилизованные личности, те, что прячутся за культурой, искусством, политикой... и даже правосудием, — именно таких и стоит опасаться. Они идеально маскируются, но нет никого более жестокого. Эти люди — самые опасные существа на Земле.

М а й к л К о н н е л л и,
Последний койот

ПРОЛОГ

В могиле

Ее сознание обратилось в крик.

В стон.

Мысленно она кричала от отчаяния, выплескивая свою ярость, муку, одиночество... — все то, что месяц за месяцем отнимало у нее человеческую сущность.

А еще она умоляла.

«Пощадите, пощадите, пощадите, пощадите... выпустите меня отсюда, умоляю вас...»

Мысленно она кричала, молила и рыдала. Но только мысленно, не издавая ни единого звука. Однажды утром она проснулась и поняла, что не может издать ни звука. Онемела... Она, всегда так высоко ценившая способность самовыражения, легко находившая слова, она, обожавшая говорить и смеяться...

Лежа в темноте, она сменила позу, чтобы снять мышечное напряжение. Она сидела на земляном полу, спиной к каменной стене, иногда ложилась навзничь или растягивалась на валявшемся в углу грязном матрасе. Большую часть дня она спала, свернувшись калачиком, а когда вставала — потягивалась или «гуляла» по своему застенку: четыре шага туда, четыре — обратно. В камере было темно: по непрестанному гулу, шипению и дребезжанию она давно поняла, что за дверью находится котельная. Одежды на ней не было. Давно. Месяцы, а может, годы. Она стала похожа на голую зверушку. Нужду она справляла в ведро, еду получала дважды. Если же он отлучался, она много дней проводила в одиночестве, без еды и питья, страдая от жажды и терзаясь страхом смерти. В двери было два окошка: одно — внизу, через него он передавал пленни-

це тарелки с едой, другое, для слежки за ней, — в центре. Свет, проникавший сквозь щели, рассеивал темноту камеры. Ее глаза успели привыкнуть к полумраку и различали мельчайшие детали на полу и стенах, которые обычный человек ни за что бы не заметил.

В самом начале заточения она тщательно обследовала свою клетку, прислушиваясь к малейшему шуму, пыталась найти способ бегства, слабое место или упущение в его системе, а потом отступилась. Слабых мест попросту не существовало, и надежда умерла. Она не помнила, сколько недель, месяцев прошло с момента ее похищения. Со времен прежней жизни. Примерно раз или два в неделю он приказывал пленнице высунуть руку в окошко и делал ей укол в вену. Она всегда испытывала боль: препарат в шприце был вязким, а медицинских навыков мучитель явно не имел. Она почти сразу теряла сознание, а в себя приходила уже наверху, в столовой, в тяжелом кресле с высокой спинкой. Он *купал* ее, *одевал*, *обрызгивал духами* и крепко привязывал к сиденью. Ее волосы благоухали дорогим шампунем, изо рта не воняло, а пахло зубной пастой и ментоловым освежителем дыхания. В камине потрескивали дрова, на столе темного лакированного дерева горели свечи, восхитительно пахла еда на тарелках. Из стереосистемы доносилась классическая музыка. Стоило пленнице услышать первые такты симфонии, увидеть мерцание свечей, ощутить прикосновение чистой одежды к коже, и у нее начиналось слюноотделение — как у собаки Павлова. Перед каждым таким «свиданием» он сутки не кормил и не поил ее.

По болям внизу живота она всегда узнавала, что он воспользовался ее беспомощным состоянием. На первых порах она ужасалась совершённомu насилью, и ее долго и мучительно рвало, когда она приходила в себя в погребке после «званого ужина». Теперь это перестало иметь значение. Иногда встреча с извергом проходила в полной тишине, в другие разы он говорил не закрывая рта, но она редко слушала: ее мозг утратил способность следить за чужой мыслью и поддерживать беседу. Слова «музыка», «симфония», «оркестр» главенствовали в разговоре, как и имя Малера.

Как давно она находится в заточении? В ее могиле не существовало ни дня, ни ночи. Да, именно в могиле —

в глубине души она точно знала, что живой отсюда не выйдет.

Она вспоминала то восхитительное, простое — лучшее — время своей жизни, когда была свободна. Когда в последний раз смеялась, звала на ужин друзей, навещала родителей, обоняла запах летнего барбекю, любовалась вечерним светом в саду и смотрела на закате в глаза сыну. Лица, смех, игры... Она не могла забыть, как занималась любовью с мужчинами, в особенности с одним... То банальное существование, которое на самом деле было чудом. Как же она теперь сожалела, что так мало им наслаждалась! Теперь она ясно осознавала, что даже пережитые тогда печаль и боль — ничто в сравнении с нынешним адом. С небытием в этом забытом богом и людьми месте. За пределами нормального мира. Она догадывалась, что от реальности ее отделяют всего несколько метров камня, бетона и земли, но даже сотни дверей, километры коридоров и решеток не смогли бы надежнее отгородить ее от людей.

Однажды жизнь и мир оказались на расстоянии вытянутой руки от нее. По какой-то неизвестной причине ему пришлось срочно перевезти ее в другое место. Он спешно одел пленницу, сковал заведенные за спину руки пластиковыми наручниками и нахлобучил на голову полотняный мешок, после чего потащил за собой вверх по лестнице, и она оказалась на свежем воздухе. *На свежем воздухе...* Потрясение было таким сильным, что она едва не лишилась рассудка.

Она ощутила на обнаженных руках и плечах ласку солнца, угадала свет через плотную ткань мешка. Вдохнула запах земли и влажных полей, аромат цветущих кустов, услышала птичий гвалт на рассвете и с трудом удержалась на ногах, а мешок промок от слез и соплей.

Потом он уложил ее на дно багажника, и в нос ударил запах выхлопных газов и дизельного топлива. Кричать она не могла — он предусмотрительно заткнул ей рот кляпом и заклеил пластырем, а запястья привязал к лодыжкам, чтобы она не била ногами в перегородку. Заурчал мотор, машина тронулась, покатила по неровной дороге, а потом выехала на шоссе — она поняла это, когда он неожиданно прибавил скорость и их стали обгонять другие машины.

Но худшей мукой оказался проезд через пункт уплаты дорожной пошлины. Вокруг звучали голоса, музыка, шум двигателей — *совсем близко*... там, за перегородкой. Десятки человеческих особей. Женщины, мужчины, дети... Всего в нескольких сантиметрах от нее! Она их слышала!.. На нее обрушился вихрь эмоций. Они смеялись, разговаривали между собой, ходили туда-сюда — живые и свободные. И ничего не знали о том, что она так близко и погибает медленной смертью, ведь ее рабское существование могло продлиться сколь угодно долго... Она так сильно билась головой о металлические стенки, что у нее из носа пошла кровь.

А потом она услышала, как ее палач произнес «спасибо» и грузовичок продолжил свой путь в неизвестность. Ей хотелось кричать.

В день «переезда» стояла хорошая погода. Она почти не сомневалась, что все вокруг цветет. *Весна*... Сколько еще смен времен года ей осталось пережить? В какой момент она лишится рассудка, надоест ему и он ее убьет? Внезапно она ясно поняла, что друзья, близкие и полиция считают ее мертвой: только одно существо на земле знает, что она все еще жива, — демон, змей, *инкуб*. Она никогда больше не увидит света дня.

Пятница

1. Куклы

То было там, в тенистом саду,
Тень расчетливо притаившегося убийцы,
Тень на тени на траве, бледно-зеленой
На фоне кроваво-красного вечера.
В деревьях заливался соловей,
Бросая вызов Марсию и Аполлону.
В глубине сельский декор
Дополняла беседка, сплетенная
Из ветвей омелы...

Оливер Уиншоу перестал писать. Моргнул. Что-то привлекло — вернее, отвлекло — его внимание, мелькнув в поле зрения. Через окно. Вспышка молнии, похожая на блик фотоаппарата.

Вокруг Марсака бушевала гроза.

Этим вечером, как и во все остальные вечера, он сидел за рабочим столом и писал. Сочинял стихотворение. Его кабинет находился на втором этаже дома, который они с женой купили на юго-западе Франции тридцать лет назад. Обшитая дубовыми панелями комната, практически целиком заполненная книгами, в основном томами британской и американской поэзии XIX и XX веков: Кольридж, Теннисон, Роберт Бёрнс, Суинберн, Дилан Томас, Ларкин, Каммингс, Паунд...

Он знал, что ни за что не приблизится к высотам, которых достигли его «боги домашнего очага», но это не имело значения.

Оливер никогда никому не давал читать свои стихи. Он вступил в зимнюю пору жизни — даже осень осталась позади. Скоро он разведет в саду большой костер и бросит

в огонь сто пятьдесят тетрадей в черной обложке. Больше двадцати тысяч стихотворений. Одно в день в течение пятидесяти семи лет. Наверное, ни один секрет в жизни он не хранил так тщательно. Даже вторая жена не удостоилась права прочесть стихи Оливера.

Он даже теперь не понимал, в чем черпал вдохновение. Вся его жизнь была долгой чередой дней, каждый из которых заканчивался стихотворением, написанным в вечерней тишине кабинета. Все они были пронумерованы. Он мог в любой момент найти то, которое написал, когда родился его сын, то, что сочинил в день смерти первой жены, и то, что сочинил в день отъезда из Англии во Францию... Он часто ложился спать в час или два ночи — даже в те времена, когда еще работал, потому что вообще спал мало, а преподавание английского языка в университете Марсака не слишком его утомляло.

Оливер Уиншоу готовился отпраздновать девяностолетие.

Этого спокойного элегантного старика знали все в округе. Как только он поселился в этом маленьком живописном городке, ему сразу дали прозвище Англичанин. Это было задолго до того, как его соотечественники саранчой налетели на старинные камни Марсака и окрестностей и прозвище утратило актуальность. Но теперь, с началом экономического кризиса, англичане стали уезжать из Франции туда, где лучше платили, — например, в Хорватию или Андалузию, и Оливер задавался вопросом, проживет ли он достаточно долго, чтобы снова стать единственным Англичанином из Марсака.

По пруду с кувшинками
Скользит тень без лица,
Угрюмый тонкий профиль,
Подобный тонко заточенному лезвию...

Оливер снова прервался.

Музыка... Ему чудились звуки музыки, перебивающие шум дождя и сотрясающие небосвод раскаты грома. Играла не Кристина — она давно спала и видела сны. Да, классическая мелодия доносилась с улицы...

Старик досадливо поморщился. Гроза не стихала, окно кабинета было плотно закрыто, значит, звук включен на

полную мощность. Он попытался сосредоточиться на работе, но проклятая музыка сбивала с мысли!

Уиншоу снова перевел взгляд на окно, пытаясь унять раздражение. Отблески молний сверкали сквозь шторы, струи дождя веревками хлестали по стеклу. Гроза как будто вознамерилась заключить городок в жидкий кокон и отрезать его от остального мира.

Оливер оттолкнул стул, встал, подошел к окну и раздвинул жалюзи: вода из центрального желоба извергалась на мостовую. Покрывало ночи над крышами то и дело подсвечивалось тонкими штрихами молний, похожими на фосфоресцирующую кривую сейсмографа.

В окнах дома напротив горел свет — во всех без исключения. Может, там вечеринка? Этот дом с садом, защищенный от любопытных взглядов высокой оградой, принадлежал одинокой женщине, она преподавала в Марсакском лицее — вела крайне популярный факультатив в подготовительном классе. Красивая женщина. Стройная элегантная брюнетка в расцвете тридцати лет. Сорок лет назад Оливер мог бы за ней поухаживать. Ее сад находился прямо под окном его кабинета, и он иногда подглядывал, как она загорает в шезлонге. Нет, здесь определенно что-то не так. Свет зажжен во всех комнатах, а входная дверь распахнута, так что виден залитый дождем порог.

А за стеклами — никого.

Балконные двери, ведущие из гостиной в сад, хлопали на ветру, как дверцы салуна, так что косой дождь заливал пол. Оливер мог видеть, как тяжелые капли бьют по плитам террасы, пригибают к земле травинки на лужайке.

Музыка совершенно определенно звучала из дома напротив... У Оливера участился пульс. Он медленно перевел взгляд на бассейн.

Одиннадцать метров в длину, семь в ширину, выложен плиткой песочного цвета. Вышка для прыжков.

Старик ощутил смутное возбуждение: так бывает, когда нечто непривычное нарушает рутинный уклад жизни, а он был глубокий старик и все его существование превратилось в рутину. Оливер окинул взглядом сад вокруг бассейна, переходивший в дальней своей части в Марсакский лес — 2700 гектаров деревьев и тропинок. Между садом

и лесом не было ни каменного забора, ни решетки — только живая изгородь. На другом конце бассейна, справа, стоял невысокий пул-хаус¹.

Оливер прищурился и взглянул на бассейн, на поверхность воды, колыхавшуюся под струями ливня, и внезапно понял, что видит... кукол. Он не ошибался, и, хотя это были всего лишь куклы, ему стало не по себе. Они раскачивались на воде, их светлые платяица промокли от дождя. Однажды соседка пригласила чету Уиншоу на кофе. Французская жена Оливера была по профессии психологом, и у нее имелась теория насчет огромной коллекции кукол в доме тридцатилетней холостячки. Она сказала мужу, что их соседка — «женщина-ребенок». Оливер попросил объяснить поподробней и услышал в ответ слова «незрелая», «избегающая ответственности», «беспокоящаяся только о собственных удовольствиях», «пережившая эмоциональную травму». Оливер сдался: он всегда предпочитал поэтов психологам. Но что, черт побери, делают в бассейне эти куклы? И где хозяйка дома?

Оливер Уиншоу отодвинул задвижку, открыл окно, и воздух в комнате сразу пропитался влагой. Косой дождь хлестал в лицо, и он моргал, вглядываясь в пластмассовые личики с застывшим взглядом.

Теперь старик ясно различал мелодию. Он слышал ее раньше, но не мог узнать, хотя точно знал, что это не его любимый Моцарт.

Боже... Что означает весь этот бред?

Вспышка молнии прорезала ночь, глухо пророкотал гром, вздрогнули стекла в оконных переплетах. Молния, уподобившись лучу мощного прожектора, позволила Оливеру разглядеть, что кто-то сидит на краю бассейна, ногами в воде. Тень от росшего в центре сада огромного старого дерева скрывала его от глаз окружающих. *Молодой человек...* Чуть подавшись вперед, он созерцал нелепый кукольный парад на воде. Оливер находился на расстоянии метров пятнадцати, не меньше, но угадал потерянный, блуждающий взгляд незнакомца, его безвольно приоткрытый рот.

¹ Пул-хаус (pool-house — *англ.*) — дом, построенный специально для отдыха у воды, рядом с бассейном.

Сердце Оливера Уиншоу билось о стенки грудной клетки, как неистовый ударник-джазист. *Что там происходит?* Он подбежал к телефону и сорвал трубку с рычага.

2. Раймон

— Анелька́ — ничтожество, — вынес «приговор» Пюжоль. Венсан Эсперандье посмотрел на коллегу: он бы не взялся утверждать, чем вызвано столь жестокое суждение — тусклой игрой форварда, цветом его кожи или тем фактом, что тот был уроженцем маленького городка неподалеку от Парижа. Пюжоль терпеть не мог такие поселения и их обитателей.

Впрочем, Эсперандье не мог не признать, что на сей раз Пюжоль попал в точку: Анелька́ — полное барахло. Ноль. Тупица. Как, впрочем, и вся остальная команда. Ее первая игра на чемпионате — сущее несчастье и полное безобразие, но Мартену на это, судя по всему, плевать с высокой колокольни. Эсперандье улыбнулся: он был уверен, что его патрон даже не знает фамилии главного тренера сборной, которого уже много месяцев осмеивает и проклинает вся Франция.

— Доменек¹ — чертова никчемная бездарь, — произнес Пюжоль, как будто прочитав мысли Венсана. — В две тысячи шестом мы вышли в финал только потому, что Зидан с ребятами взяли на себя руководство командой.

Никто не возразил, и сыщик начал пробираться через толпу, чтобы взять еще пива. Бар трещал по швам от посетителей. 11 июня 2010-го. Открытие и первые встречи Чемпионата мира по футболу в ЮАР. Счет после первого тайма в матче Уругвай — Франция — 0:0. Венсан снова посмотрел на патрона — тот не отводил взгляд от экрана. Пустой взгляд. Майор Мартен Сервас лишь делал вид, что смотрит игру, и его заместителю это было отлично известно.

¹ Раймон Доменек — французский футболист и тренер. Обладатель рекорда по количеству матчей, проведенных сборной Франции под его руководством. Доменек был уволен с этого поста по окончании Чемпионата мира 2010 года в ЮАР.